

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

**ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК**

ВЫПУСК

99 (36)

А. Я. БОРИСОВ

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ НЕОПЛАТОНИЗМА
НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ВОСТОКЕ**

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 2002

В книгу вошли как неопубликованные, так и напечатанные прежде работы известного отечественного востоковеда А. Я. Борисова (1903—1942). Они основываются на рукописных текстах, обнаруженных ученым в Российской национальной библиотеке и содержащих арабскую версию «Теологии псевдо Аристотеля», которая до этого была известна лишь в латинском переводе, а также два сочинения еврейского писателя Х в. Исаака Ираели — «Книга о субстанциях» и «Книга определений». Исследование открытых А. Я. Борисовым текстов готовилось в качестве докторской диссертации, но не было им завершено из-за преждевременной смерти. Кроме того в книгу вошли статьи А. Я. Борисова, опубликованные на английском и русском языках в различных довоенных изданиях и посвященные изучению источников по ближневосточной средневековой философии. Все эти материалы не утратили своей научной ценности, поскольку дают глубокий анализ развития позднеантичной философской системы в арабоязычной среде, рассматривают роль неоплатонизма в формировании «схоластики ислама» — му'тазилитства. Книга предназначена специалистам по истории философии, средневековой культуры и всем заинтересованным читателям.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. М. ДЬЯКОНОВ, В. М. КИСЛОВ, О. Л. КОЛОБОВ,
Н. Н. ЛИСОВОЙ, Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ (ответственный секретарь),
О. Г. ПЕРЕСЫПКИН (ответственный редактор),
чл.-корр. М. Б. ПИОТРОВСКИЙ, В. А. САВУШКИН,
акад. О. Н. ТРУБАЧЕВ, И. С. ЧИЧУРОВ, чл.-корр. Я. Н. ЩАПОВ

Подготовили к печати К. Б. СТАРКОВА, Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 99-01-16178*

**А. Я. БОРИСОВ И ЕГО ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Андрей Яковлевич Борисов происходил из крестьянской раскольничьей семьи. Родители его — учитель Я. А. Борисов и фельдшерница А. Ф. Исаева, получив специальное образование в Петербурге, приняли активное участие в революционном движении. Оба вели занятия в рабочей школе за Невской заставой и состояли в кружке пропагандистов, руководимом М. И. Калининным. Я. А. Борисов в начале века был арестован и заключен в Петропавловскую крепость с последующей ссылкой в Сибирь.

А. Я. Борисов родился 11/24 мая 1903 г. в с. Валговицы Ямбургского уезда Петербургской губернии (ныне Кингисеппский район Ленинградской области), где был фельдшером отец его матери Ф. И. Исаев. Детские и юношеские годы он провел в Нарве. Образование Эстонской буржуазной республики и гражданская война помешали семье его матери вернуться в Петроград после революции 1917 г. Закончив курс гимназии в Нарве, после двух лет скитаний по Эстонии в поисках работы, он поступил в Дерптский (г. Тарту) университет на филологический факультет, занимаясь одновременно по разрядам славянских и семитских языков. Он изучал арабский и древнееврейский языки и литературу под руководством профессоров У. Бульмеринга и Т. Мазинга. Еще в школьные годы он заинтересовался древнееврейским языком и самостоятельно изучил его.

В начале 1924 г. А. Я. Борисов с семьей матери получил возможность вернуться в Ленинград, где после возвращения из ссылки жил его отец. Осенью того же года он поступил в Ленинградский университет на восточное отделение, тогда числившееся по факультету общественных наук, занимаясь по разряду семитских языков и литератур. Основными его учителями были семитолог-энциклопедист академик П. К. Коковцов и арабист И. Ю. Крачковский. В университетские годы А. Я. Борисов углубленно изучал все виды семитской письменности, сознательно оставив в стороне лишь аккадскую клинопись. Студентом он стремился сочетать теоретическую подготовку с приобретением живых представлений о культуре и быте народов Востока. Летом 1926 г. он предпринял самостоятельную поездку в Среднюю Азию, посетил Ташкент, Бухару и Самарканд, где изучал не только музеи, хранилища рукописей и многочисленные памятники архитектуры, но

ISBN 5-86007-216-3

© А. Я. Борисов, 2002
© К. Б. Старкова, 2002
© «Дмитрий Буланин», 2002

и следил с большим вниманием за сценами народной жизни, отражавшими еще пережитки феодализма и патриархата. Тогда же он познакомился с этнографом З. Л. Амитиным-Шапиро, который помогал ему знакомиться с местными обычаями и культурой бухарских евреев.

В 1928 г. А. Я. Борисов закончил теоретический курс университета, а в следующем году отлично защитил дипломную работу, тему для которой ему дала одна из рукописей философского содержания на арабском языке из собрания Гос. Публичной библиотеки под заглавием «Мақалат ал-Вудӯх». Дипломант исчерпывающе исследовал текст трактата и окончательно доказал анонимность его. Еще до защиты диплома А. Я. Борисов стал практикантом Азиатского Музея (ныне С.-Петербургский филиал Института востоковедения РАН), но пробыл в этой должности менее года в связи с упразднением практикантуры. В феврале 1930 г. он был зачислен в Еврейский отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека) на должность помощника библиотекаря, в дальнейшем он стал библиотекарем 1-го, затем 2-го разряда, занимаясь выдачей книг и газет на еврейских языках. В свободное время он работал в Рукописном отделе над составлением инвентаря еврейских, еврейско-арабских и самаританских рукописей, сочетая это занятие с изучением рукописей философского и поэтического содержания. Осенью 1933 г. А. Я. Борисов ушел из Публичной библиотеки и через несколько месяцев поступил в аспирантуру при Гос. Эрмитаже по отделению культуры и искусства древнего Ирана (руководитель — К. В. Тревер). Основной специальностью он избрал наиболее трудный раздел восточной филологии — пехлевийскую письменность. В это же время он был приглашен вести курсы арабского и древнееврейского языков на кафедре семитских языков и литератур, открытой в 1933 г. при Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ, с 1936 г. — филологический факультет университета). В течение нескольких месяцев 1935 г. он состоял научным сотрудником Института книги, письма и документа (ИКДП) АН СССР и вел инвентаризацию всех семитских коллекций этого учреждения. В этот период он подготовил описание всех еврейско-арамейских магических чаш из собрания ИКДП для Института истории АН СССР. К сожалению, рукопись каталога была утеряна в издательстве. В том же 1935 г. А. Я. Борисов принял участие в работе III Международного конгресса иранского искусства и археологии, состоявшегося в Ленинграде. Он прочел доклад об иллюстрациях астрологического трактата Танкалуши (Тевкра) Вавилонского. Он был также участником I (1936 г.) и II (1937 г.) сессий арабистов Советского Союза, выступив на них с докладами о му'тазилитских рукописях, открытых им в собраниях Ленинграда, и о философской и медицинской деятельности Ибн Сины (Авиценны).

После окончания аспирантуры в 1938 г. А. Я. Борисов работал в Эрмитаже в звании старшего научного сотрудника и профессора. Звание кандидата филологических наук он получил от Ленинградского гос. университета ранее, в 1937 г., без защиты диссертации, по совокупности научных трудов. С 1939 г. он при-

ступил к подготовке докторской диссертации по теме «Проблемы так называемой „Теологии Аристотеля“».

В мае 1941 г. А. Я. Борисов уехал в командировку в Самарканд, чтобы принять участие во вскрытии гробницы Улугбека. Из Самарканда он отправился в Ташкент, чтобы исследовать рукописи философского содержания на арабском и персидском языках, хранившиеся в Среднеазиатской Публичной библиотеке (ныне Отдел восточных рукописей при Институте востоковедения АН Узбекистана). Особенно его интересовал не изученный еще список «Теологии Аристотеля» из этого собрания. Здесь его застала война. Несмотря на большие затруднения, он немедленно вернулся в Ленинград и включился в подготовку к эвакуации коллекций Гос. Эрмитажа, участвуя в охране здания музея и остающихся в нем ценностей. Вопреки исключительно трудным условиям осени и зимы 1941/42 г., А. Я. Борисов не прекращал научной деятельности. Он быстро заканчивает исследование «Теологии Аристотеля» и одновременно работает над серией небольших статей по истории восточных связей древнерусской литературы. Он собирался прочесть на филологическом факультете университета для интересующихся курс лекций по истории еврейско-арабской средневековой философии, но это намерение невозможно было осуществить. После эвакуации университета в конце февраля 1942 г. А. Я. Борисов стал сотрудником Института востоковедения АН СССР. Там состоялось его последнее научное выступление — доклад о восточных заимствованиях в русской литературе. 26 июня 1942 г. А. Я. Борисов выехал из Ленинграда с коллективом сотрудников Института востоковедения. Он скончался в пути, в г. Орехово-Зуево, 10 июля 1942 г.

А. Я. Борисов был превосходным лектором. В Эрмитаже он выступал с лекциями о культуре античного и средневекового Ирана, о памятниках арамейской эпиграфики, о миниатюрах восточных рукописей и т. п. В университете он читал лекции по истории восточной литературы, связанной с развитием еврейско-арабской литературы в мусульманской Испании и в странах Переднего Востока.

Из семитологических дисциплин особо следует выделить прочитанный им курс введения в историю арамейских языков и письменности. Весь материал этого обзора был собран и систематизирован самим лектором. В настоящее время создание такого курса облегчает капитальный труд Ф. Розенталя, но в те времена этого пособия еще не существовало, и А. Я. Борисов самостоятельно проделал аналогичную работу.

Период научной деятельности А. Я. Борисова охватывает около 15 лет, включая месяцы ленинградской блокады. За это время им написано около 40 работ, не считая исследований о Спинозе и Ф. М. Достоевском, которые он не предназначал для печати. Его статьи, как правило, невелики по объему, обычно 0.5—1.5 печ. л., но каждая из них вносит в науку новый точно доказанный факт или ряд фактов и явлений. Подобные факты ученый именовал «кирпичиками», из которых строится здание науки.

А. Я. Борисов называл себя филологом в годы, когда этот термин был непопулярен в советской науке, однако он точнее всего обозначал характер научных интересов и метод работы исследо-

вателя. Филологический метод, усвоенный А. Я. Борисовым в школе П. К. Коковцова, заключался в умении заметить в источнике каждую, иногда мелкую подробность, которая может выявиться в дальнейшем как отличительная деталь данного текста. Кажущаяся случайной мелочь, при правильном ее осмыслении, часто открывала ему значительные стоящие за ней явления. Сумма описанных и разъясненных фактов приводила исследователя к строго доказательным выводам. Именно этим объясняются открытия, сделанные им среди многочисленных фрагментов рукописей коллекций А. С. Фарковича, которые до него побывали в руках других ученых, не уступавших ему эрудицией. От умения вчитываться в отрывки без указания заглавия, имени автора, места и времени переписки зависит успех филолога-востоковеда, и это умение А. Я. Борисов развил в себе до высочайшей степени.

В области арабоязычной философии особое внимание А. Я. Борисов уделял тому направлению, которое связано с населением городских общин евреев мавританской Испании, Египта и Северной Африки. Его интересовало по преимуществу творчество Соломона Ибн Габироля, Исхāка Исра'илй, Йўсуфа ал-Баџира, Алй Ибн Сулеймāна. Кроме того, он усиленно изучал псевдоэпиграфы философского содержания, в ряду которых особо выделял так называемую «Теологию Аристотеля», «Тайну тайн» и «Книгу о яблоке». Изучая преемственность и взаимные связи этих памятников, А. Я. Борисов не противопоставлял друг другу достижения, внесенные в эту сферу мусульманскими или иудейскими мыслителями; он видел общую связь не только в том, что представители разных народов пользовались в своих трудах одинаково родным для них арабским языком, но главным образом в том факте, что обстановка средневекового города создавала для них одинаковые или близкие друг другу социально-экономические условия и способствовала возникновению новых путей для распространения идей.

В 1930 г. появилась первая статья А. Я. Борисова об открытой им новой версии арабского оригинала латинского текста псевдоэпиграфа под маскировочным названием — «Теология Аристотеля»: «Арабский оригинал латинской версии так называемой „Теологии Аристотеля“». Как известно, это сочинение служит одним из первоисточников для истории средневекового неоплатонизма. Открытие А. Я. Борисова сразу установило ошибочность принятого в науке предположения о том, что переводчик «Теологии» на латынь намеренно искажил арабский текст тенденциозными вставками в духе христианской схоластики. Один из интересных моментов истории памятника освещен во второй статье А. Я. Борисова — «Об исходной точке волюнтаризма Соломона Ибн Габироля» (1933). На основании открытой им версии А. Я. Борисов объясняет некоторые элементы учения о воле у средневековых еврейских мыслителей, в первую очередь у Соломона Ибн Габироля (XI в.). Из обеих статей видно, что уже в те годы он работал над подготовкой к изданию найденных им текстов псевдоэпиграфа. Исследование проблем, связанных с историей этого памятника, должно было стать диссертацией на степень доктора наук. Акад. И. А. Орбели счел исследователя достойным этой степени за один представленный план диссертации. Как известно, в основу псевдоэпиграфа легли извлечения из книги

«Эннеады» философа александрийской школы Плотина (III в. н. э.). Составленная таким образом компиляция перерабатывалась неоднократно при переводах на сирийский, арабский и латинский языки, являясь, как уже указывалось, одним из главных источников неоплатонизма на Ближнем Востоке. Задачу своей работы А. Я. Борисов с присущей ему скромностью определил в следующих выражениях: «Цель, которую я себе здесь ставлю, в достаточной мере ограничена: я намерен, в самых общих и приблизительных чертах, лишь наметить наиболее выдающиеся из вопросов, сложной сетью которых „Теология Аристотеля“ опутана, пожалуй, в такой степени, как никакой другой памятник интеллектуальной культуры арабского средневековья. Я признаю свою задачу выполненной, если мой настоящий набросок послужит тем семенем, из которого вырастет в будущем труд, достойный одного из интереснейших моментов истории античного философского наследия на Востоке». Несмотря на столь сдержанную оценку назначения работы, на всем протяжении исследования автор связывает историю книги с историей общества, в котором она обращалась и духовные запросы которого она удовлетворяла. Основным средством исследования служит глубокий и тонкий текстологический анализ как самой «Текстологии Аристотеля», так и соприкасающихся с нею источников. Способствовало этому отличное знание языков западных и восточных: греческого, латыни, сирийского, арабского и древнееврейского; итальянский также не затруднял исследователя. Основные периоды существования этой книги он распределяет по языковому принципу, так как, по его мнению, «этот принцип, при всей его кажущейся формальности, выражает существо дела с большей определенностью, чем это представляется на первый взгляд».

По своему плану исследование должно было состоять из введения и пяти глав, последняя из которых заключала бы конспективное изложение содержания трактатов. А. Я. Борисов законспектировал первые семь трактатов, изложение текста остальных добавлено уже мною в 50-х гг. К сожалению, незаконченной осталась четвертая глава, которая должна была содержать литературную историю сочинения. К этой части относятся сохранившиеся черновые наброски и выписки нужных текстов, однако они недостаточны для восстановления авторского замысла.

Философские системы стран Ближнего Востока и юго-запада Европы (Испания, Сицилия) в понимании и изложении их арабоязычного населения не пользовались у нас большим вниманием. Их история обычно не двигалась дальше популярных очерков, помещаемых в общих обзорах по истории философии или литературы или в статьях энциклопедий. И это немногое часто излагалось неспециалистами, получавшими материал из вторых рук. Работы А. Э. Шмидта, И. П. Кузьмина и экскурсии И. Ю. Крачковского и П. К. Коковцова составляют в этом плане немногочисленные исключения. В лице А. Я. Борисова в нашу науку впервые вошел филолог-ориенталист с подготовкой и навыками, которых требует от специалиста сложная область средневековой арабоязычной философии.

Работа «Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке» была задумана А. Я. Борисовым как свод новых источников по истории неоплатонизма на Востоке

ке, в критическом издании с общим введением, которое должно было показать отличительные черты доктрины и ее место в истории человеческой мысли. Преждевременная смерть автора помешала осуществить его намерение полностью, и введение осталось ненаписанным, так же как одна из намеченных для сборника статей: «Фрагмент арабского оригинала „Книги о душе и духе“». Самая значительная по объему и содержанию из публикуемых работ «Проблемы изучения „Теологии Аристотеля“» лишена главы, содержащей литературную историю памятника. От нее сохранились лишь несколько страниц начала и фрагмент предварительной записи истории первого периода существования «Теологии».¹ Тем не менее сохранившиеся части работы настолько важны, что вполне оправдывают ее издание.

История арабской неоплатонической системы постоянно привлекала внимание специалистов, ряды которых увеличивались новыми кадрами исследователей, в том числе и арабов по национальности. Вопрос о месте Плотина в развитии арабской философии приобрел особое значение в связи с открытиями новых материалов, куда входят как многочисленные списки «Теологии», так и версии других частей «Эннеад» в арабской передаче.² Далеко вперед продвинулось изучение греческого первоисточника «Теологии Аристотеля» в трудах историков античной и средневековой философии. Здесь ставит веху итоговая и в то же время программная статья Г. Швицера (H. R. Schwyzer) в «Энциклопедии реалий» Паули-Виссова.³ Многие обещало подготавливаемое критическое издание, осуществляемое тем же Г. Швицером совместно с бельгийским ученым П. Анри.⁴ Это издание должно было стать авторитетным источником для изучения подлинного текста произведений александрийского философа. Не менее важно для науки новое издание арабской версии «Теологии» в редакции ал-Кинди, опубликованное египетским специалистом Бадави на смену устаревшему изданию Ф. Дитерици.⁵ В числе новых материалов к истории средневековой восточной философии должна была появиться монография об Исааке Исраели.⁶ Несколько небольших статей, посвященных ему, опубликованы в периодических изданиях.⁷

В этой литературе труд А. Я. Борисова по праву занимает достойное место, несмотря на годы, истекшие со дня его написания. Все статьи, вошедшие в сборник, сообщают о новых, большей частью впервые входящих в науку материалах и подаются в филолого-историческом исследовании. Несмотря на то что А. Я. Борисов изучает проблемы «Теологии Аристотеля» на основе знакомства с незначительной по количеству группой рукописей сравнительно с известными в настоящее время,⁸ один их обзор вносит новое в классификацию источников. Детальным анализом утраченных протооригиналов основных списков А. Я. Борисов восстанавливает их палеографические особенности и тем самым облегчает изучение истории рукописной традиции памятника. Центральную часть исследования образует тщательное сравнение ряда пассажей «Теологии» в обеих арабских версиях, в латинском переводе и греческом протооригинале, которое выясняет многие особенности текста. Вторая арабская версия «Теологии», отличная от редакции ал-Кинди, впервые открыта А. Я. Борисовым и составляет крупнейший его вклад в дело изу-

чения «Теологии». Можно сказать с уверенностью, что его работа дает путеводную нить для ориентации в массе сплетающихся между собой проблем, тем более что она намечает периодизацию истории памятника и делает попытку определить социальную среду его распространения и раскрыть причины, способствовавшие сохранению его популярности на протяжении тысячелетия.

Недостающая глава «Проблем „Теологии Аристотеля“», по словам самого автора, в значительной степени была насыщена гипотетическим элементом. Это особенно заставляет жалеть о ее утрате, принимая во внимание проницательность и филологическое остроумие А. Я. Борисова, соединенные притом с большой осторожностью в выводах. Этот факт делает невозможным восстановить ее хотя бы в виде остова, несмотря на то что только к ней сохранились выписки автора из текстов источников и пособий. Последнее обстоятельство косвенно подтверждает, что эта часть исследования была сформирована в голове автора, но не изложена на бумаге даже в черновых набросках, к которым А. Я. Борисов прибегал редко.

Для завершения труда А. Я. Борисова в дальнейшем предполагается издание текста пространной версии «Теология» в фототипии с приложением библиографического обзора. В этом случае специалисты получили бы наконец возможность непосредственно судить об обеих редакциях памятника. Тогда окончательно выяснится все значение открытия А. Я. Борисова, увековечившего его недолгую, но творческую деятельность.

Две статьи сборника публикуют материалы для истории философской деятельности Исаака Исраели (Исхāка Исра'или, X в.), еврейского арабоязычного автора, который хотя и не является творцом оригинальной философской системы, но весьма полно отразил в своих сочинениях первый, так называемый натурфилософский период развития арабской философии, история которого слабо изучена прежде всего по недостатку источников. Публикуемые здесь материалы также были обнаружены А. Я. Борисовым в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Статья «Неизвестный еврейский перевод „Книги определений“ Исаака Исраели» была написана А. Я. Борисовым в середине 30-х гг. и должна была выйти в свет в сборнике памяти И. Г. Франк-Каменецкого в трудах Института языка и мышления АН СССР, который в печати не появился. Затруднения с изданием статей А. Я. Борисова, следовавшие в течение многих лет после его смерти, привели к тому, что этот его труд утратил значение первичности, так как английский ученый А. Альтман независимо от него издал ленинградские фрагменты «Книги определений» в 1957 г.⁹ Он пользовался для своего издания фотокопиями, полученными Центральной библиотекой Манчестера из Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и переданными затем Манчестерской библиотекой в Институт иудаизма. В качестве сравнительного материала А. Альтман привлек латинский перевод нового издания, которым А. Я. Борисов еще не мог воспользоваться, а кроме того, издания Г. Хиршфельдом арабского оригинала и еврейского перевода Ниссима (см. текст статьи), аналогичным образом привлеченные А. Я. Борисовым. А. Альтманом был составлен глоссарий, включающий 49

философских терминов с английским переводом, тогда как работа А. Я. Борисова дает сравнительную таблицу терминологии трех систем еврейских переводов. Местами чтение А. Я. Борисова расходится с чтением А. Альтмана, так как, читая по рукописи, он несомненно отчетливее различал очертания стершихся букв и целых слов, чем мог это сделать А. Альтман по фотокопии. Введение и выводы А. Я. Борисова шире, чем у А. Альтмана, но в общем наблюдения обоих ученых совпадают.

Помимо этих основных в деятельности А. Я. Борисова проблем исследования он обогатил историю арабоязычной философии средневековья рядом новых фактов. Здесь следует иметь в виду его статью «Some new fragments of Isaak Israeli's works» («Новые фрагменты сочинения Исаака Исраели»), которая пополняет научное наследие врача-философа X в. новыми рукописями оригинальных сочинений на арабском языке и неизвестных еврейских переводов с них. Статья была первоначально написана на русском языке, затем переведена на английский другим и учеником А. Я. Борисова Н. П. Иериховичем и опубликована в 1935 г. в сборнике, посвященном академику Н. Я. Марру. Русский оригинал не сохранился, и предлагаемый читателю текст представляет собой обратный перевод с английского языка, выполненный П. Б. Кондратьевым.

Кроме того, в сборник включена также статья «Новые материалы к вопросу о псевдо-Бахье», давно ставшая библиографической редкостью.

Работа А. Я. Борисова «Заметки о литературном наследии Юсуфа ал-Басйра» сообщает о новых фрагментах основного сочинения названного автора, так называемой «Мансуровой книги», и выясняет несколько недоразумений в вопросе об оставленных им сочинениях. При слабой изученности вопроса эта небольшая статья существенно подвигает вперед дело изучения творчества интересного караимского мыслителя.

Статья «О времени и месте жизни караимского писателя Али ибн Сулеймана» уточняет сведения из биографии средневекового филолога, о котором такой специалист, как М. Штейншнейдер, мог сказать только то, что о личности его вообще ничего не известно. В этом же ряду можно назвать статью-доклад «Авиценна как врач и философ», едва ли не наиболее популярную из работ покойного ученого. Кроме той общей характеристики деятельности Ибн Сины, которая отражена в самом заглавии, она, так же как и статья о му'тазилитских рукописях, содержит ряд важных сообщений, ценных для истории арабоязычной философии. Что касается ее специального содержания, то смело можно сказать, что большинство научно-популярных статей об Авиценне, написанных по случаю его тысячелетнего юбилея, базируется в той или иной степени на ней. Три последние работы в настоящий том не включены.

Еще одна крупная проблема, получившая новое освещение в связи с найденным А. Я. Борисовым материалом, — это история му'тазилитской литературы. К этой теме обращены две его статьи, обе написанные в 1935 г. В одной из них он дает описание важнейших фрагментов рукописей сочинений авторитетов му'тазилитства, которые он обнаружил среди 2-го собрания Фирковича, всего 13 фрагментов, в общей сложности около 1100 листов

арабского текста. Вторая статья много шире по содержанию и особенно интересна для исламоведов и историков средневековой философии. К трем ранее известным источникам для истории му'тазилитской догматики А. Я. Борисов присоединяет еще четвертый: библиотеки караимов. Этот основной вывод статьи важен сам по себе, но помимо того в этой сравнительно небольшой работе А. Я. Борисов ставит на обсуждение главнейшие вопросы развития идеологии мусульманского мира средневековья. Он намечает у нее четыре основных направления и каждое из них связывает с определенной социальной группировкой внутри феодального общества Ближнего Востока. Эти положения, принятые им в качестве рабочей гипотезы, открывают широкие перспективы исследователям истории культуры, без сомнения, нуждаясь в то же время в проверке, дополнении и уточнении высказанных здесь принципов. Из намеченных четырех направлений идеологии халифата особое внимание, как следовало ожидать, А. Я. Борисов уделяет античной философии, «одетой в оболочку арабской речи». После этого он рассматривает доктрину му'тазилитства, определяя ее как схоластику ислама. Он отмечает ее близость к учению философских школ буддизма, указывая таким образом на ее положение в средиземноморском философском цикле. Этим последним термином покойный ученый определял комплекс философских традиций, существовавших и развивавшихся в бассейне Средиземного моря, имея исходной точкой античную Грецию. В этой же статье намечена историческая линия развития му'тазилитства, которая завершается перечнем новых рукописных источников, обнаруженных в Ленинграде. Обе работы публикуются в этом томе.

Ни в какой мере не будучи специалистом в области, где А. Я. Борисов скромно считал себя недостаточно подготовленным работником, издатель его трудов сознательно оставил в стороне попытки дополнить то, что было не завершено их создателем. Желание придать работе внешне законченный вид неизбежно привело бы к проникновению в исследование реферативного материала, повторяющего сказанное другими, при этом неполным образом, поскольку наши библиотеки все еще получают литературу по истории александрийской и восточной философии далеко не исчерпывающе и с большими задержками. Без сомнения, исключительно этим обстоятельством объясняется отсутствие у автора ссылок на некоторые статьи, вышедшие за рубежом за несколько лет до его кончины.¹⁰ Самые необходимые указания на литературу и источники помещены в примечаниях к настоящей статье и, в отдельных случаях, — к тексту в самом сборнике под звездочкой.

Издателю принадлежит перевод-пересказ 8—10-го трактатов «Теологии Аристотеля», продолжающий перевод А. Я. Борисова в прямых скобках. Такими же скобками обозначаются все не принадлежащие автору дополнения к основному тексту и к примечаниям.

Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность ряду ученых за участие в сохранении и публикации трудов А. Я. Борисова. Такая благодарность принадлежит академикам И. А. Орбели, В. В. Струве, И. Ю. Крачковскому, чл.-корр. Н. В. Пигулевской и В. И. Беляеву. При подготовке работ к печати мы

обязаны многими ценными советами И. А. Орбели, Н. В. Пигулевской, В. И. Беляеву, Ю. Я. Перепелкину, чл.-корр. П. В. Ернштеду, А. И. Доватуру, А. И. Еланской и др. В технической работе по подготовке текста большую помощь оказал А. М. Газов-Гинзберг.

Лишь исключительно неблагоприятное стечение обстоятельств привело к тому, что столь нужный и интересный труд до сих пор не увидел света. Помимо своей основной задачи издание его будет способствовать увековечению памяти об одном из самых выдающихся отечественных востоковедов.

К. Б. Старкова

Примечания

¹ См. ниже, Приложения. С. 252—253.

² Перечень рукописей «Теологии Аристотеля» опубликовал Bert Marien в т. 10 журнала «Tijdschrift voor Philosophie» (1948) и в гл. 27 книги: *Bibliografia critica degli studi plotiniani con rassegna delle loro recensioni*. Bari, 1949. См.: *Anawati G. S. Prolégomenes à une nouvelle édition du De Causis arabe // Melanges Louis Massignon*. Damas, 1956. Т. 1. P. 84. К сожалению, обе работы Мариена нам недоступны. Список 8 рукописей помещает Абдаррахман ал-Балани в статье: *أرسطو القدر مخطوطات* // *Révue de l'Institut des manuscrits arabes*. 1956. Vol. 2, fasc. 1. P. 58, где он ссылается на более полный список своего издания арабского текста «Теологии»: *عند التبريد القاموس القاموس*. 1955. Введение. P. 43—45. Общее количество свыше 20 рукописей упоминает В. Куч (*Kutsch W. Ein arabisches Bruchstück aus Porphyrios (?)* *перл. Фухе 2 und die Frage der Verfassers der Theologie des Aristoteles // Mélanges de l'Université Saint Joseph*. 1954. Т. 31. P. 280), там же он называет стамбульские рукописи. Перечень рукописей следует дополнить ташкентским экземпляром «Теологии» и комментария к ней (Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР / Под ред. проф. А. А. Семенова. Ташкент, 1955. Т. 1. № 1881—1882. С. 14—15). Для знакомства с новыми источниками по истории переложения «Эннеад» на арабский язык особенно важна работа П. Крауса: *Kraus P. Plotin chez les arabes. Remarques sur un nouveau fragment de la paraphrase arabe des Enneades // Bulletin de l'Institut d'Égypte*. 1941. Т. 23. P. 263—295.

³ *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertums-Wissenschaft / Neue Bearbeitung... hrsg. von K. Siegler*. Stuttgart, 1951. Bd 21, 1. S. 480—509.

⁴ *Henry P., Schwyzer H. R. Enneades*. Т. 1 // *Museum Lessianum. Ser. Philos.* 33. Bruxelles, 1951. См.: *Paulys Real-Encyclopädie... Bd 21, 1. S. 499; Kutsch W. Ein arabisches Bruchstück... S. 281.*

⁵ См. выше примеч. 2.

⁶ «Isaac Israeli», издатели А. Altmann, S. M. Stern, см.: *Stern S. M. Isaac Israeli and Moses Ibn Esra // The Journal of Jewish Studies*. 1957. Vol. 8, N 1—2. P. 89.

⁷ См. примеч. 6. Статья А. Альтмана, публикующая текст особой версии перевода, найденной А. Я. Борисовым и издаваемой в настоящем сборнике, вышла в свет в 1957 г.: *Altmann A. Isaac Israeli's Book of Definitions: some fragments of a second Hebrew translation // Journal of Semitic Studies*. 1957. Vol. 2, N 3. P. 232—242. Там же (P. 232) дается ссылка на статью С. Штерна, посвященную «Книге о субстанциях»: *Stern S. M. Isaac Israeli's Book of Substances // Journal of Jewish Studies*. 1955. Vol. 6, N 3.

⁸ См. выше примеч. 2. Издание: *Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur. 2-te den Supplementbänden angepasste Auflage*. Leiden, 1943. Bd 1. S. 231 (вышло через год после смерти А. Я. Борисова) — называет списки арабской версии «Теологии Аристотеля» с ссылками на каталоги. Статья Г. Риттера, содержащая сведения о списке рукописи № 717 библиотеки Хамидийе в Стамбуле, по-видимому, осталась неизвестной А. Я. Борисову (*Ritter H. Schriften Ja'qūb ibn Ishāq al-Kindī's in Stambuler Bibliotheken // Archiv Orientalni*. 1932. Т. 4. S. 371—372). Его исследование не отмечает также бейрутского списка из Восточной библиотеки Университета св. Иосифа, зарегистрированного в каталоге Л. Шейхо в 1924 г. (*Cheikho L. Catalogue des manuscrits des auteurs arabes chrétiens depuis l'Islam*. Beyrouth, 1924. P. 18, N 53).

⁹ См. выше примеч. 7.

¹⁰ См. выше примеч. 8. *Henry P. Vers la reconstitution de l'enseignement oral de Plotin // Académie royale de Belgique. Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques, 5-me série*. 1937. Т. 23. P. 310—342. Литературу вопроса до 1940 г. см. в примеч. 2 в статье П. Крауса «Plotin chez les arabes».